

ВЕЩЬ В КОНТЕКСТЕ
ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

*Материалы
международной научной конференции*

Москва
2020

УДК 902/904
ББК 63.5я431
В26

Ответственные редакторы

С.А. Яценко
Е.В. Куприянова

Рецензенты

О.Ю. Артемова, д-р ист. наук,
профессор УНЦ социальной антропологии РГГУ

Н.В. Шабуров, канд. культурологии, доцент,
руководитель УНЦ изучения религий РГГУ

ISBN 978-5-7281-2550-1

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2020

Содержание

Предисловие	9
<i>Н.А. Тарасенко</i>	
Погребальный инвентарь египтянки Несмут: узурпация или адаптация?	10
<i>Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.</i>	
Вещь в контексте жертвенного комплекса по данным могильника Екатериновский мыс	24
<i>И.А. Кукушкин, М.В. Бедельбаева</i>	
Погребения с булавой: семантические аспекты (по материалам могильника Тундык)	35
<i>Я.В. Рафикова</i>	
Эксклюзивное украшение из парного погребения эпохи поздней бронзы Южного Урала	45
<i>И.П. Алаева</i>	
Сосуды для погребального пира в захоронениях бронзового века Южного Зауралья	54
<i>Е.В. Волкова</i>	
Погребальная керамика как исторический источник	62
<i>Е.В. Курриянова, А.Н. Усачук</i>	
Псалы из кургана 1 могильника Степное-1: роль в жизни и ритуале	73
<i>А.А. Файзуллин</i>	
Украшения из кости в погребальной обрядности населения ямной культуры Волго-Уралья как маркер социальной значимости в обществе скотоводов эпохи бронзы ...	90
<i>Э.Р. Усманова</i>	
Нож-кинжал в андроновском погребальном обряде (по материалам погребальных памятников Лисаковской округи).....	102
<i>Л.С. Ильюков</i>	
Персинг у скотоводов бронзового века Восточной Европы.....	111
<i>А.В. Вертиенко</i>	
Золото в погребениях кочевников раннего железного века: к пересмотру концепций	115
<i>М.Е. Килуновская, Я.В. Фролов</i>	
Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы.....	126

<i>А.П. Мошинский</i>	
Конь и его снаряжение в кобанском и аланском могильниках у с. Лезгор в Горной Дигории.....	139
<i>Н.А. Гаврилюк</i>	
Лепная керамика в контексте погребального обряда населения Северного Причерноморья (к вопросу о греко-скифских связях) ..	148
<i>В.К. Федоров</i>	
Трикветры в культурах эпохи раннего железа степной полосы Евразии	163
<i>Ю.А. Прокопенко</i>	
Элементы античного культа смерти в погребальной обрядности населения Центрального Предкавказья в III–I вв. до н. э.	175
<i>С.А. Яценко</i>	
Сарматские женские погребения с топорами I–III вв. н. э.	186
<i>О.В. Шаров</i>	
Погребение с Золотой маской из Керчи: детерминация пола в контексте погребального обряда и инвентаря	192
<i>Е.М. Черных, О.Ф. Хайруллина</i>	
Наконечники стрел в погребениях Боярского («Арай») могильника III–V вв.	203
<i>К.И. Ташбаева</i>	
Погребальный инвентарь женщины гуннского времени из могильника Жапырык II Внутреннего Тянь-Шаня.....	217
<i>Л.Н. Ермоленко</i>	
Изваяние как объект погребально-поминальной обрядности древних тюрков (проблема портретности)	227
<i>Сташенков Д.А.</i>	
Погребальный костер и инвентарь погребений в погребально-поминальном обряде населения Самарского Поволжья хазарской эпохи	238
<i>Г.В. Требелева, С.М. Саканиа, Т.Ю. Шведчикова, А.Д. Япрынцев</i>	
К проблеме датировки погребений из некрополя Маркульского городища при храме (Абхазия, IV–XIV вв.).....	242
<i>Ю.К. Гугуев</i>	
Разрешительные документы в могиле умершего в Древней Руси, на Балканах и в Западной Европе (X–XV вв.)..	251
<i>Панченко К.И.</i>	
К вопросу о сосудах в православном погребальном обряде	263

Content

Preface	9
<i>N.A. Tarasenko</i> Burial Set of Egyptian Woman Nes-Mut: Usurpation or Adaptation? ...	10
<i>A.I. Korolev, A.F. Kochkina, D.A. Stashenkov</i> Artifact in the Sacrificial Complex on the Data of Eketerinovskii Mys Necropolis	24
<i>I.A. Kukushkin, V.V. Bedelbaeva</i> Graves with Mace: the Semantic Aspects (on the materials of Tundyk Necropolis)	35
<i>Ya.V. Rafikova</i> Unique Costume Accessory from the Pair Grave of Late Bronze Age in the South Ural	45
<i>I.P. Alaeva</i> Vessels for a Burial Banquet in the Bronze Age Graves of the South Trans-Ural Region	54
<i>E.V. Volkova</i> Burial Pottery as the Historical Source	62
<i>E.V. Kupriyanova, A.N. Usachuk</i> The Cheekpieces from Kurgan 1 of Stepnoye 1 Cemetery: the Role in the Life and the Rite	73
<i>A.A. Faizullin</i> Gala Bone Wares in the Burial Rituals of Yamnaya (Pit) Culture Peoples of Volga-Ural Region as the Social Marker of Bronze Age Cattlemen Society	90
<i>E.R. Usmanova</i> Knife-Dagger in Andronovo Community Burial Rituals (on the material of Burial Complexes of Lisakovsk Surrounding Area) ..	102
<i>L.S. Ilyukov</i> Piercing of the Bronze Age Cattlemen in the Eastern Europe	111
<i>A.V. Vertianko</i> Gold in the Early Iron Age Nomads' Burials: on the Revision of Concepts	115
<i>M.E. Kilunovskaya, Ya.V. Frolov</i> Comparative Analysis of the Belt Details of Scythian Time from Barnaul Ob' Basin and Tuva	126

<i>A.P. Moshinsky</i>	
Horse and Horse Harness in Koban Culture and Alanian Cemeteries near Lesgor Village of Digora Gorge	139
<i>N.A. Gavrilyuk</i>	
Hand-Made Pottery in the Burial Rituals Context of the North Black Sea Area Population (on the Problem of Greek-Scythian Communications)	149
<i>V.K. Fedeorov</i>	
Triqueters in Early Iron Age Cultures of Eurasian Steppe Zone	163
<i>Yu.A. Prokopenko</i>	
Elements of Greek Death Cults in the Burial Rituals of the Center of Northern Caucasus in the 3rd-1st cc. BCE	175
<i>S.A. Yatsenko</i>	
Sarmatian Female Graves with Axes of the 1st-3rd cc. CE	186
<i>O.V. Sharov</i>	
Burial with a Golden Mask from Kerch: Sex Determination in the Context of the Funeral Rite and Inventory	192
<i>E.M. Chernykh, O.F. Khairullina</i>	
Arrowheads in the Burials of Boyarka (Arai) Necropolis of the 3rd-5th cc. CE	203
<i>K.I. Tashbaeva</i>	
Funeral Inventory of the Hunnic Time Woman in Zhapyryk II Necropolis in the Inner Tien-Shan Mountains	217
<i>L.N. Ermolenko</i>	
Statue as the Object of Burial and Funeral Rituals of the Early Turks (on the Portrait Problem)	227
<i>D.A. Stashenkov</i>	
Burial Fair and Grave Inventory in the Burial and Funeral Rites of the Population of Samara Volga Region of Khazar Epoch	238
<i>G.V. Trebleva, S.M. Sakania, T.Yu. Shvedchikova, A.D. Yapryntsev</i>	
On the Problem of Graves Dating of Markula Hillfort Necropolis near the Church (Abkhazia, the 4 th -14 th cc.)	242
<i>Yu.K. Guguev</i>	
Allowing Documents in the Graves of the Medieval Rus', in the Balkans and Western Europe (the 10 th -15 th cc.)	251
<i>K.I. Panchenko</i>	
On the Problem of Vessels in the Orthodox Funeral Rites	263

Наконечники стрел в погребениях
Боярского («Арай») могильника III–V вв.
в Среднем Прикамье

Е.М. Черных

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, etch59@mail.ru*

О.Ф. Хайруллина

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, olenbka93@bk.ru*

В течение семи лет (2002-2005, 2007-2009) отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета под руководством Е.М. Черных, Т.А. Лаптевой, С.Е. Перевощикова и О.А. Карпушкиной проводились раскопки могильника эпохи великого переселения народов вблизи деревни Боярка Каракулинского района Удмуртской Республики. Обстоятельства выявления нового памятника и его изучение диктовались варварским разрушением могильника (с применением тяжелой техники) «черными копателями». Всего на могильнике изучено 183 погребения по обряду ингумации в ямах и более 200 костяков (здесь учтены и все кости, собранные после масштабных разрушений некрополя «черными копателями»). Могильник включен в круг памятников мазунинского типа пьяноборской культурно-исторической общности (мазунинской культуры, по Т.И. Останиной) и датирован второй половиной III – рубежом IV-V вв. н.э. [1 с. 95]. В сопроводительном инвентаре погребенных достаточно хорошо вычленяются «мужские» и «женские» комплекты, что коррелируется с антропологией. Анализ выполнен последней И.Г. Ширококовым (МАЭ имени Петра Великого, г. Санкт-Петербург). Им же были замечены некоторые физические особенности мужской части погребенных, инвентарные наборы которых включали наконечники стрел (далее – НС). Ниже авторы предпринимают попытку дать детальный анализ этой группы захоронений.

Всего в Боярском могильнике зафиксировано 25 погребений (13,7% от 183 изученных), в сопроводительном инвентаре которых имелись НС, с 27 костяками (14,1% от 192 костяков, обнаруженных в

погребениях) мужского пола в возрасте от 16 до 55 и старше лет: 22, 23А, 33А и 33Б, 40, 59, 63, 66Б, 72, 78, 82, 97, 98, 106, 107, 110, 111, 115А и 115Б, 119, 145Б, 146, 151, 153, 155, 156, 183 (рис. 1, 2). Для захоронений использовались могильные ямы прямоугольной формы с вертикальными стенками и плоским дном, размерами: длина в интервалах 211-240 см (12 погребений) и 241-270 см (6 погр.), ширина – 71-90 см (12 погребений) и свыше 90 см (9 погребений), глубина – 61-80 см (8 погребений) и 81-100 см (10 погребений). Ориентировка могил, как и в целом на могильнике, СВ-ЮЗ (10 погребений) и близкие к ней ВСВ-ЗЮЗ (7 погребений), В-З (6 погребений) и ССВ-ЮЮЗ (2 погребения), что обусловлено, вероятнее всего, связью с р. Камой, протекающей в 5 км к югу от памятника.

Большинство погребений с НС следует рассматривать как индивидуальные (20 погребений). Коллективные захоронения включали по два (погр. 33, 66, 145), три (погр. 23) или пять (погр. 115) костяков. Стрелы в таких могилах располагались либо рядом с каждым костяком (погр. 33), либо принадлежали только одному из умерших (погр. 23, 66, 115, 145). В таких «семейных» усыпальницах были захоронены совместно только мужчины (погр. 33, 145), либо мужчины, женщины и дети (погр. 23, 66, 115).

В 17 погребениях (у 19 костяков) зафиксированы деревянные погребальные конструкции. Условно выделены ящики (7 погребений), ящики «с ручками» (1 погребение), настилы (4 погребения), а также носилки «с ручками» (1 погребение). В коллективных захоронениях для каждого умершего использовались отдельные погребальные конструкции (погр. 23, 115, 145).

Поза умерших обычна для мазунинского погребального обряда: вытянуто на спине (26 случаев), руки уложены вдоль тела (16 случаев), ноги вытянуты (25 случаев). Небольшие вариации наблюдались для верхних конечностей: руки согнуты в локтях, кисти рук на тазу (погр. 22, 97; рис. 2А), вдоль тела, кисти рук на тазу (погр. 98, 111), одна из рук уложена вдоль тела, другая согнута в локте, кисть на тазу (погр. 107).

Отклонений в ориентировке захоронений с НС от «общей нормы» на могильнике также не выявлено. Все укладывались головой на ЮЗ (10 случаев), или З (7 случаев), ЗЮЗ (6 случаев), ЮЮЗ (4 случая). Решающее значение в этом, по-видимому, также играла речная ориентация [2 с. 24].

Одна из особенностей могильника – высокая доля захоронений с нарушением анатомической схемы скелета (41 случай), то есть в каждом четвертом погребении [1 с. 88-90]. В анализируемой группе эта доля выше (8 случаев из 27). Костяк 115А вошел в группу отклонений с «максимальным» нарушением анатомического порядка, при котором кости были разбросаны по всей площади могильной ямы. В одной могиле с ним находились еще 4 захоронения с обычным порядком скелетов (что является, скорее всего, неслучайным и свидетельствует об избирательности ритуальных практик социума, оставившего Боярский могильник). У остальных отмечены лишь разрушения отдельных частей скелета. Так, в погр. 78 отсутствовал череп (выявлены следы расчленения), в погр. 40 – левая верхняя конечность; в четырех погребениях разрушения связаны с грудной клеткой (№№ 23А, 106, 146 и 183). В погр. 155 зафиксировано отчленение костей голени, которые затем были уложены на бедренные кости умершего. Большинство описанных случаев в Боярском могильнике несут в себе элементы особой ритуальной практики (обряда обезвреживания, по В.С. Флерову [3 с. 12]). Но некоторые, вероятно, можно объяснить военными конфликтами (косвенно об этом свидетельствует застрывший в тазовой кости наконечник стрелы в погр. 78), либо иными причинами, связанными с подзахоронениями (погр. 155).

Самой массовой категорией инвентаря в мужских погребениях являются *стрелы*. Всего обнаружено 105 экземпляров (рис. 1). Еще 3 наконечника происходят из разграбленных могил. По 1 экземпляру стрелы встречены в шести захоронениях, по 2 – в трех, по 3 – в пяти захоронениях, по 4 – в шести захоронениях, по 5 – в трех захоронениях. По одному случаю они зафиксированы в количестве 7, 8, 11 и 13 экземпляров.

В погребениях, где количество НС более двух, они лежали, как правило, кучкой, острием вниз, в области стоп (15 случаев; рис. 2А); в единичных случаях стрелы найдены у левой голени (погр. 66Б), между коленями (погр. 115Б), слева у черепа (погр. 107). По одному экземпляру огни фиксировались с левой (голова, плечо, бедро – погр. 33Б, 156, 23А, 33А) или с правой (стопа – погр. 40) стороны костяка. В могилах с разрушенными костяками стрелы либо хаотично разбросаны (погр. 115А), либо лежали вблизи друг друга, но повернуты острием в противоположную сторону (погр. 155, 183).

Все костяные наконечники – черешковые, с трехгранным (82 экз.: рис. 1, 1-6, 11-18, 26), четырехгранным (6 экз.: рис. 1, 19-21),

трапезиевидно-выемчатым (9 экз.: рис. 1, 7-10) и треугольно-выемчатым (2 экз.: рис. 1, 24, 25) сечением пера; редкими можно считать сегментовидное (рис. 1, 23), круглое (рис. 1, 27) и линзовидное (рис. 1, 28) сечения ударных частей (по 1 экз.). По форме пера выделены следующие типы стрел: треугольные (или вытянуто-треугольные: рис. 1, 1-2, 4-8, 18, 24, 28), листовидные (в т.ч. иволлистные, рис. 1, 3, 9-17, 20-21, 23, 25), ромбовидные (рис. 1, 19). Они, в свою очередь, подразделяются на подтипы по наличию / отсутствию упора при переходе от пера к черешку. Особняком среди описанных выше типов стоят наконечник из погр. 153 с пером ромбовидной формы с вогнутыми краями (рис. 1, 26), а также наконечник с короткой конусовидной головкой и длинной вытянутой шейкой (погр. 22; рис. 1, 27).

Практически все перечисленные типы костяных НС характерны для мазунинских могильников; в них видят продолжение ананьинско-пьяноборских традиций [2 с. 77]. Однако В.А. Иванов считает, что костяные черешковые стрелы более типичны для караабызской культуры Средней Белой (69,5%), нежели для чегандинцев (всего 5%) [4 с. 12, 14]. Б.Б. Агеевым для чегандинских памятников было учтено 985 втульчатых и всего 63 черешковых НС [5 с. 45]. «Боярские» стрелы характеризуются плавным переходом от пера к черешку (69,5%, 73 экз.; рис. 1, 7-12, 19-21, 25). Реже встречается оформление нижней части пера в виде уступа или шипов (20%, 21 экз.; рис. 1, 1-6, 24, 28), что, по мнению В.А. Иванова, типично для азелинских памятников пьяноборской КИО [4 с. 23]. Уникальны для мазунинских могильников стрелы с выемчатым (треугольным или трапезиевидным) сечением пера (подобные им ананьинские стрелы изготовлены из плюсовых костей северного оленя [6 с. 31, рис. 15–16]), а также круглый в сечении наконечник с короткой конусовидной головкой и длинной вытянутой шейкой (п. 22: рис. 1, 27). Аналогии ему известны в материалах гляденовской культуры [7 с. 74, рис. 51, 93-95]. Еще один наконечник ромбовидной формы с вогнутыми краями (п. 153: рис. 1, 26) находит прототипы среди ранних ананьинских образцов [6 с. 28, 125, 127, рис. 4, 9; 6, 3].

Имеются в Боярском могильнике и железные наконечники стрел (2 экз., погр. 115Б: рис. 1, 22, 30): черешковые двушипные с плоским треугольным пером. В сравнении с подобными находками из Тураевского и Тарасовского [8 с. 234, табл. 232, 5; 9 с. 136, табл. 239, 8] или азелинских Ошкинского, Рождественского [10 с. 71, табл. 48, 20-22;

11 с. 318, 319, табл. 2, 17-23] могильников они выглядят миниатюрно. Круг аналогий таким стрелам в памятниках последних веков I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. достаточно широк: это, прежде всего, памятники писеральско-андреевского круга (Андреевский курган, Писеральские курганы, городище Пичке-Сорче), Кошибеевский могильник, дяковские, а также гляденовские (Гляденовское костыше), постзарубинецкие, пшеворские, латенские древности [12 с. 21, 46-47].

Есть и довольно любопытная находка (погр. 82). Это обломок черешковой части стрелы бронзового века, выполненный из яшмовидной гальки и покрытый сплошной двусторонней ретушью (рис. 1, 29), возможно, служил апотропеем. Он найден в области таза погребенного, с левой стороны, как и прочие наконечники стрел, острием к ногам.

Состав находок в рассматриваемой группе мужских погребений не отличается особым разнообразием: в него вошли 17 категорий вещей (всего на могильнике выделена 31 категория). Помимо наконечников стрел, это простые пояса с железными пряжками (18 случаев), фиксируемые в области таза / бедер (рис. 2А, Б-3) или расправленные вдоль тела, железные ножи и крупные бусы в области таза / бедер (17 и 6 случаев соответственно) (рис. 2А, Б-4), железные колчаные крючки (5 случаев). Сюда можно добавить достаточно редкие находки пищетов (погр. 22, 107, 151), блюшек-накладок (погр. 40, 115Б), каменных оселков (погр. 106, 115Б), пряслиц (погр. 78, 115Б), обломки керамических сосудов (погр. 63, 136А). В единственном экземпляре обнаружены: железный наконечник дротика с коротким пером листовидной формы (погр. 119), биметаллическая фибула (тип не определен; погр. 115Б), бронзовая подвеска с секировидным расширением в нижней части (погр. 119), железная пряжка-кольцо (погр. 145Б), стерляжья кость (погр. 156), а также бронзовые поясные накладки в форме сдвоенных овалов с насечками (близки типу Останина-4 [2 с. 58, рис. 11, 30]) в составе наборного пояса (погр. 23А).

Для сравнительного анализа нами учтено 123 погребения со 118 костяками «лучников», происходящих из 11 некрополей III-V вв. Среднего Прикамья: 8 из них располагаются в правобережье удмуртского течения р. Камы (Тарасовский, Тураевский I, Ижевский, Покровский, Дубровский, Чепанихинский, Мазунинский, Усть-Сарапульский), два – в низовьях р. Белой Республики Башкортостан (Старо-Муштинский и Старо-Кабановский), еще один – на территории Пермского Прикамья (Сайгатский) [8; 9; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21;

22]. Анализ мазунинских наконечников стрел представлен в работах В.А. Иванова [4 с. 22-25] и Т.И. Останиной [2 с. 30, 75-77], внимание которых было сосредоточено, главным образом, на разработке классификации данных предметов вооружения. В нашей статье акцент сделан, в первую очередь, на обрядности мазунинских могильников III-V вв. н.э., в погребальных наборах которых отмечена рассматриваемая категория артефактов.

В целом морфометрические признаки могил данной выборки близки между собой. На общем фоне выделяется погребение 1705 Тарасовского могильника с ямой пятиугольной формы и расширенными ко дну торцевыми стенками с едва выраженными ступеньками. Отклонением от «общих» мазунинских погребальных стандартов, по-видимому, следует также считать облицовку стенок вертикальными известняковыми плитами в погр. 56 Мазунинского могильника, а также крупные камни известняка в засыпке погр. 57 и 199 Дубровского могильника.

Погребальные конструкции зафиксированы в 1/3 погребений (45 погребений, 36,6%). Имели вид деревянных настилов или ящиков. В погр. 12 Старо-Кабановского могильника умерший был завернут в кору; ее куски найдены также в погр. 111. Кроме того, в погребениях с НС авторами раскопок отмечаются следы обожженных могильных конструкций (Тарасово 1705, 1846) и костей домашних животных (Ижевск 135), угольков в засыпке (Старая Мушта кк. 2/1, 20/6), а также использование меловой подсыпки или отдельных кусочков мела (Тураево погр. 258; Ст. Мушта кк. 2/1, 20/6; Тарасово погр. 1846).

Поза костяков в исследуемой выборке установлена для 114 индивидов, и она также не выходит за рамки мазунинского погребального обряда – вытянуто на спине, верхние и нижние конечности вдоль тела (90 случаев, 78,9%). Менее чем у трети костяков (24 случая, 21,1%) отмечены вариации в размещении рук: они фиксировались согнутыми в локтях (Тураево 36; Ижевск 80А), кисти покоились на тазу (Мазунино 56), либо одна из рук была согнута в локте (иногда кисть укладывалась на таз), а другая – уложена вдоль тела (Тарасово 35Б, 266, 117, 924Б, 960, 1717, 1846; Тураево 22, 65, 98, 209, 258; Ижевск 92, 95А, 104, 135; Старая Мушта курган 2/1; Чепаниха 28). Нестандартное положение нижних конечностей зафиксировано в трех случаях: Тарасово, погр. 1754 (левая нога согнута в колене), Старо-Кабаново, пп. 14 («поза всадника» – ноги раскинуты в стороны и чуть согнуты в коленях) и 111 (смещение правой берцовой кости).

Нарушение анатомического порядка костей скелета выявлено в 10 случаях (8,5%). Привычная схема размещения костей в целом сохранена, но наблюдаются отдельные нарушения головы (отсутствие черепа – Сайгатка, погр. 32), рук (отсутствие кисти, смещение и перемещение фаланг пальцев к бедренным костям, отчленение и перемещение кисти к черепу – Тарасово, погр. 243, 263, 266, 1702), верхней части костяка (смещение грудной клетки, рук – Тарасово 813, 914; Ижевск 71; Чепаниха 3; Покровский 104). Кроме того, у трех индивидов анализируемой группы (Тарасово 623 и 919А, Тураево 258), вероятно, зафиксированы признаки связывания или обертывания тела умершего перед погребением.

Доля погребений с НС в каждом из рассматриваемых могильников неодинакова и варьируется от 2,0 до 13,7%: наивысшие показатели зафиксированы в Боярском (13,7%), Чепанихинском (12,5%), Сайгатском (9,3%) могильниках, наименьшие – в Усть-Сарапульском (2,0%) (в остальных мазунинских могильниках их процент варьируется в пределах 3,4 – 6,6%). Всего в них обнаружено более 290 стрел (без учета Боярского могильника). Общее число стрел подсчитать затруднительно, поскольку в некоторых публикациях отсутствуют необходимые данные). Количество стрел в одном погребении достигало 7-10 экз., что является скорее исключением и характерно лишь для Тураевского I могильника (погр. 22, 36, 95, 209). Чаше в мазунинских погребениях встречено по одной (55 случаев), две (26 случаев), три (15 случаев) или четыре (13 случаев) «символических» стрелы, изредка – по 5 или 6 экземпляров (4 и 6 случаев соответственно).

По отношению к погребенному стрелы размещались по-разному, хотя чаще всего замечена связь с нижним отделом скелета: преимущественно у левой стопы (28 случаев), голени (20 случаев), бедра и колена (8 случаев), либо между бедренных костей и голеней (6 и 5 случаев), в области тазовых костей (6 случаев) или обобщенно – в ногах (15 случаев). Редки случаи помещения стрел рядом с правой нижней конечностью (бедро, голень, стопа – 10 случаев), а также в области черепа и верхних конечностей (руки, грудная клетка – 21 случай). В одном погребении могли находиться вместе как костяные, так и железные экземпляры стрел, причем разных типов. К примеру, в погр. 64, 484 Тарасовского, 71, 80А Ижевского, 23 Сайгатского могильников вместе с костяными черешковыми стрелами были обнаружены костяные втульчатые экземпляры (типы 1, 2 по Б.Б. Агееву [5 с. 45, табл. 14, 3, 6]). Последние также найдены в Чепанихинском

могильнике (погр. 3, 11, 28, 37). По мнению исследователей, они представляют этнографический маркер чегандинских племен [4 с. 12-13]. Железные НС встречены в 28 погребениях рассматриваемой группы: Тарасово 49, 453, 552, 811, 1035, 1754, 1846; Тураево 28, 65, 94, 95, 103, 171, 268А; Ижевск 2; Чепаниха 38; Мазунино 19, 62; Дубровский 57; Сайгатка 10; Усть-Сарапулка 86, 88; Старо-Кабаново 14, 22, 26, 137; Старая Мушта 1/2, 6/20 и под насыпью кургана 20. В одном наборе чаще встречалась 1 железная стрела, реже – 2-4 экз. (например, Тарасово 1846, Тураево 28, 171). Среди них выделяются как втульчатые, так и черешковые экземпляры. Среди первых перо имеет ромбическую или листовидную форму (Тураево 28; Старо-Кабаново 26, 137). Черешковые стрелы разделяются на двухлопастные (плоские) с треугольной или листовидной формой пера, с упором, покатыми плечиками или шипами при переходе к черешку (Тарасово 552, 811, 1754; Тураево, 94, 95, 171; Дубровский 57; Усть-Сарапулка 86; Старая Мушта п. 6 к. 20 и др.), а также на трехлопастные ромбические (Тарасово 49; Старо-Кабаново 22) или треугольные / сводчатые с шипами в основании пера (Тарасово 552, 1846; Усть-Сарапулка 88 и др.). Близкие, но не идентичные последним образцы, встречаются в азелинских [11 с. 318, табл. 2, 29], позднесарматских [23 табл. XXII] и гуннских [24 с. 37, 39, рис. 6, 9] материалах.

Присутствие в составе погребального инвентаря стрел коррелируется с индивидами мужского пола (определены 52 костяка, 44,1% из 7 могильников – Тарасово, Тураево, Покровский, Ижевск, Дубровский, Мазунино, Чепаниха [9 с. 11-63; 13 с. 118, 120, илл. 42, 44; 15 с. 55-58, 61; 16 с. 44-60; 25]. Известны также случаи помещения стрел в детские (Тарасово 841; Покровское 79) и женские (Тарасово 552, 789, 807, 811, 924Б, 960, 961, 1035, 1754; Тураево 103, 128; Покровское 86, 113, 216; Ижевск 92, 105; Мазунино 62) погребения. Инвентарь женской группы близок «мужским наборам», за исключением погр. 1754 Тарасовского, 103 Тураевского, 62 Мазунинского, 92 Ижевского могильников, в которых обнаружены бабочковидные фибулы, наборные пояса и жертвенные комплексы со всевозможными украшениями – височными подвесками мазунинского типа, браслетами, гривнами, бусами и бисером и т.д. (Такой же чисто «женский» комплект обнаружен в погр. 680Б Тарасовского могильника, пол погребенного определен как «мужской». Жертвенные (дарственные) наборы с женскими украшениями (височные подвески, бусы) зафиксированы в мужском погр. 2 Мазунинского могильника). Сугубо «женские»

наборы, наряду с НС, характеризуют единичные погребения Мазунинского (№ 19), Сайгатского (№ 10), Ижевского (№ 2), Старо-Муштинского (№№ 2/1 и 16/1) могильников, однако пол и возраст индивидов в них не определен. Стрелы в таких погребениях были уложены в области черепа, нижних конечностей, либо в жертвенных комплексах.

В «мужских» комплексах с НС условно выделяются 2 группы: собственно «лучники» (77 погребений, 62,6%), т.е. те, кто при жизни, очевидно, владел только этим видом оружия, и «универсалы» (22 погребения, 17,9%) – всадники, использовавшие в бою не только стрелы, но и мечи, копья (или дротики), боевые косы и т.д. Разнообразие категорий инвентаря в первой группе ограничивается 9 комбинациями, среди которых наиболее распространено сочетание стрел с простой поясной гарнитурой (пряжка и наконечник ремня) и железным ножом (21 случай). Близки к ней погребения лучников, в которых найдены расправленные вдоль тела статусные наборные пояса с железными или бронзовыми накладками (14 случаев). Основу погребальных наборов второй группы составляли предметы «лучников» (простая поясная гарнитура, железные ножи, крючки, бусины и т.д.), а также наборные пояса и обувные наборы, которые дополнялись метательным оружием и оружием ближнего боя – мечами, топорами, копьями (и дротиками), боевыми косами, в том числе находками удил и конской упряжи (Тарасово 164, 241, 243, 256, 919А, 1705; Тураево 22, 28, 36, 65, 95, 98, 171, 196, 197; Ижевск 2, 3, 16, 180, Старо-Кабаново 12, 22, 137).

Колчаны в погребениях мазунинских «лучников» практически неизвестны. По мнению А.А. Красноперова, за остатки колчанов можно принять находки в погр. 562 Бирского и погр. 85 Тураевского могильников (во втором случае реконструируется форма – коническая [29 с. 29-31]). Характерно, что в обоих погребениях НС отсутствуют.

Из проведенных сопоставлений следует, что мужские погребения с НС в Боярском могильнике, а также погребения с данной категорией инвентаря в мазунинских могильниках в целом соответствуют мазунинским погребальным практикам. Костяные стрелы, входившие в основной комплект сопроводительного инвентаря, продолжают ананьинско-пьяноборские / карабызские традиции изготовления таких изделий. По своим характеристикам, а также по совместному нахождению с железными стрелами, они, по-видимому, составляли реальное боевое оснащение мазунинских воинов. Один из погребенных

на Боярском могильнике (погр. 78) был убит такой стрелой, застрявшей в его правой подвздошной кости.

Мужские погребения с НС в Боярском могильнике принадлежали, по-видимому, наиболее боеспособной части «боярского» социума, поскольку чуть более половины захороненных в нем мужчин (36 костяков, 55,3% от 65 костяков мужского пола, определенных антропологом) оружия не имели. Они, вероятно, являлись преимущественно рядовыми «лучниками», поскольку других предметов вооружения, кроме наконечников дротиков, в их могилах не выявлено.

Вернемся к выводам, сделанным И.Г. Ширококовым при работе с боярской коллекцией. Им был установлен факт неоднородности группы по морфологическим признакам [27 с. 28-29]. При разбивке выборки на подгруппы с учетом наличия или отсутствия в погребении наконечников стрел, дротиков и/или колчаных крючков он установил, что группа погребенных с НС отличалась от остальных мужчин более крупными размерами черепа, низкими орбитами, хорошо выраженным рельефом в области надбровья и надпереносья (рис. 2В). На статистически значимом уровне они характеризуются также большей величиной продольных размеров лучевой и большой берцовой костей, большими обхватными размерами плечевой, бедренной и большой берцовой костей. Выявленные различия нельзя объяснить прижизненными изменениями морфологии скелета индивидов, активно занимавшихся стрельбой из лука. Более вероятным, хотя и недоказуемым, исследователь считает объяснение данного факта тем, что эти мужчины выделялись конституциональными особенностями, повышающими их способности к физическим нагрузкам. Они чаще, чем их соплеменники, проявляли себя как хорошие стрелки, и в погребальном обряде отразились их профессиональные навыки.

Литература

1. *Черных Е.М., Хайруллина О.Ф.* Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 86-106.
2. *Останина Т.И.* Население среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 326 с.
3. *Флеров В.С.* Аланы Центрального Предкавказья V–VII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедия, 2000. 164 с.

4. *Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.
5. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
6. *Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.) (Материалы и исследования Камско-Волжской археологической экспедиции. Вып. 12). Ижевск: Изд-во УдГУ, 2006. 220 с.
7. *Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века: монография. Пермь: ПГНИУ, 2018. 320 с.
8. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
9. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (Материалы и исследования Камско-Волжской археологической экспедиции. Вып. 17). Ижевск: Изд-во УдГУ, 2010. 499 с.
10. *Лецинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) (Материалы и исследования Камско-Волжской археологической экспедиции. Вып. 27). Ижевск: Изд-во УдГУ, 2014. 472 с.
11. *Матвеев Р.В.* Наконечники стрел Рождественского V могильника // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 316-323.
12. *Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.
13. *Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М.* Погребальный обряд Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме. Т. III. (Материалы и исследования Камско-Волжской археологической экспедиции. Вып. 29). Казань, Ижевск: Изд-во УдГУ, 2015. 297 с.
14. *Генинг В.Ф.* Ижевский могильник IV-V вв. // Вопросы археологии Урала. 1967. Вып. 7. Свердловск-Ижевск. С. 123-140.
15. *Останина Т.И.* Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26-92.
16. *Останина Т.И.* Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск: Удмуртия, 1992. 96 с.

17. *Семенов В.А.* Два могильника мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии // Вопросы археологии Урала. 1967. Вып. 7. Свердловск-Ижевск. С. 116-122.

18. *Генинг В.Ф., Мырзина Е.М.* Мазунинский могильник // Вопросы археологии Урала. 1967. Вып.7. Свердловск-Ижевск. С. 85-115.

19. *Арматынская О.В.* Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред А.А. Тронин. Устинов: б/и, 1986. С 26-46.

20. *Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.

21. *Васюткин С.М., Останина Т.И.* Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Отв. ред А.А. Тронин. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64-125.

22. *Стоянов В.Е.* Сайгатский могильник на Средней Каме // Вопросы археологии Урала. 1962. Вып.4. Свердловск. С. 117-134.

23. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 184 с.

24. *Засецакая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб: Эллис Лтд, 1994. 224 с.

25. *Акимова М.С.* Антропологические материалы мазунинской культуры Прикамья (III-VI вв. н.э.) // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии. 1961. Вып. 2. М.: б/и. С. 305-314.

26. *Красноперов А.А.* Колчаны в мазунинских погребениях // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия / Отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 29-31.

27. *Широбоков И.Г., Черных Е.М.* Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского ун-та. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 25–34.

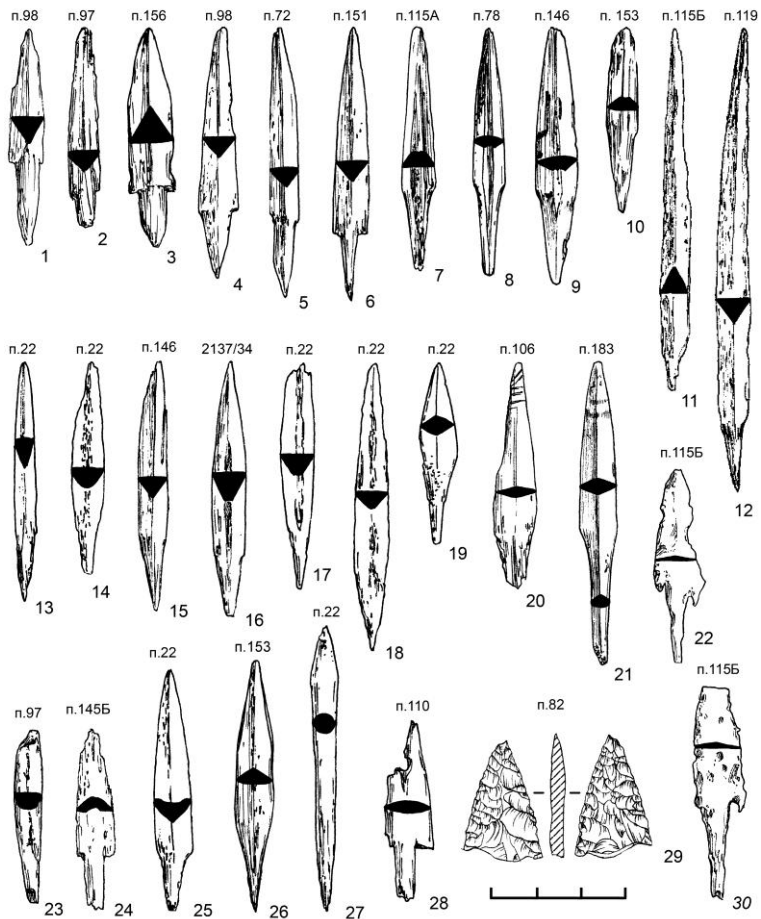

Рис. 1. Боярский «Арай» могильник. Наконечники стрел: 1–21, 23–28 – кость; 22, 30 – железо; 29 – камень (рисунки Н.Ф. Шишкиной)

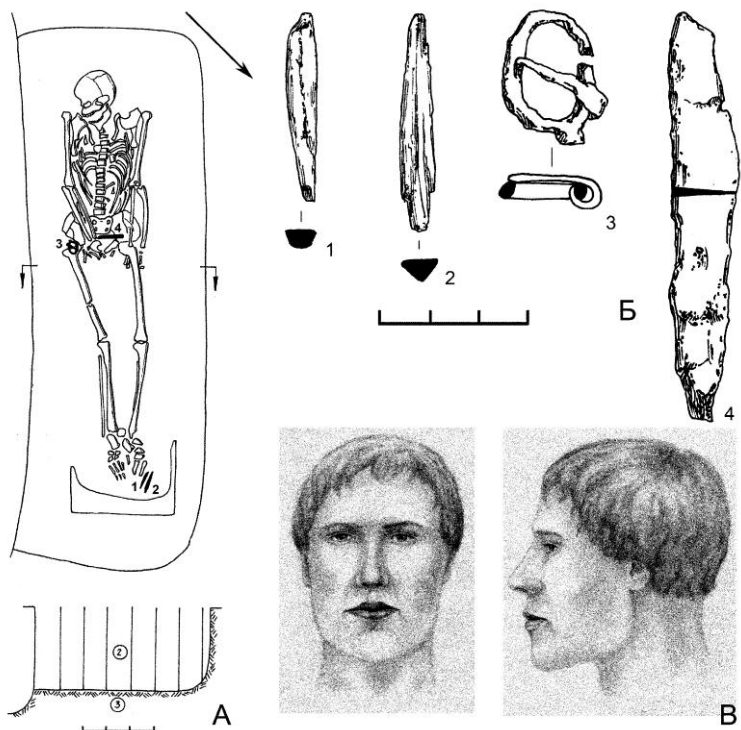

Рис. 2. Боярский «Арай» могильник. Погребение 97: А – план;
 Б – артефакты: 1–2 – наконечники стрел, кость; 3 – пряжка, железо;
 4 – нож, железо. В: графическая реконструкция А.В. Рассказовой (ИАЭ
 РАН, Москва)

Вещь в контексте погребального обряда: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. М.: РГГУ, 2020. 271 с.

ISBN 978-5-7281-2550-1

В сборнике публикуется серия докладов одноименной международной конференции, четвертой в серии проводимых в разных городах учеными бывшего СССР по различным малоизученным аспектам древних некрополей и погребальной обрядности в контексте культуры. Предлагаются новые подходы к вещам, обнаруженным в разнотипных погребениях и рядом с ними, их символике и декору, гендерной специфике, поминальным статуям, роли в могилах статусных атрибутов, жертвенных предметов, посуды и ряду других тем. Предпочтение отдавалось аналитическим материалам.

Для археологов, религиоведов, этнологов и широкого круга гуманитариев.

УДК 902/904
ББК 63.5я431

Научное издание

Вещь в контексте
погребального обряда

*Материалы
международной научной конференции*

Рекомендовано Редакционно-издательским советом РГГУ

*Оригинал-макет подготовлен С.А. Яценко
Кафедра истории и теории культуры*

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 11.12.2019 г.

Формат 60×84 1/16.

Уч.-изд. л. 16,6. Усл. печ. л. 15,8.

Тираж 300 экз. Заказ № 679

Издательский центр

Российского государственного
гуманитарного университета

125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: 8-499-973-42-06